

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	38
Глава 4	63
Глава 5	82
Глава 6	92
Глава 7	107
Глава 8	128
Глава 9	137
Глава 10	158
Глава 11	172
Глава 12	184
Глава 13	195
Глава 14	211
Глава 15	226
Глава 16	241
Глава 17	254
Глава 18	274
Глава 19	289
Глава 20	308
Глава 21	319
Глава 22	333
Глава 23	363
Глава 24	368
Эпилог	381

ГЛАВА I

Миру пришел конец. Земли покрылись пеплом, а небеса устали от потока освободившихся душ. Все выбились из сил; даже Гептагон, включавший в себя семь Верховных чародеев, оказался неспособен победить того, в ком пробудилась погребенная под грузом веков сила и вспыхнула жгучая ненависть ко всему живому.

— Я не... не оправдал надежд, — раздосадованно прошептал Холден. — Не сумел его остановить.

— Ты не мог знать, что... — начал кто-то, но конца фразы я не услышал. Одна из досок над головой оглушительно треснула, и я дернулся влево, пытаясь спастись от преждевременной гибели.

Но Холден понял, о чем речь.

— Как раз это-то и было мне известно.

Я бросил на чародея усталый взгляд, с трудом найдя силы на поворот головы. Его короткие волосы спутались и покрылись грязью, потеряв присущую им светлость, а искривленный нос, казалось, вот-вот взорвется от обилия льющейся крови: это означало, что ресурсы магии и тела на исходе. Мы держались за руки, собравшись вокруг сердца Ателлы — древнего Гримуара, книги заклинаний и свода правил по их использованию. Холдену пришлось поднять руку и потрясти ею, чтобы обнажить запястье.

— Видите эти отметки? — спросил он. На коже красовались буквы, расположенные в хаотичном порядке; как по мне, они не имели никакого смысла. — Первые буквы шести имен. Первой была Кьяра, затем отправилась Лоре-ля, но обе потерпели неудачу...

— Отправилась куда? — раздраженно бросила Томико, и я, вероятно, отчаявшись, с улыбкой подумал, что на повышенных тонах ее восточный говор звучал весьма забавно. — И зачем нужны письма на теле?

— Следующей была ты, Томико, — горько продолжил Холден. Взгляд его едва сумел сфокусироваться на чародейке. — Потом Тристрам и Зария, а теперь я... И все мы вернулись ни с чем.

— Объяснись, — отрезала Кьяра.

Как и всегда, глава Гептагона была немногословна. Скупой эмоциональный багаж помогал ей в работе — весьма непросто столько веков управлять единственной в мире достойной чародейской школой, — однако делал ее совершенно невыносимым в общении человеком. Ученики одинаково боялись услышать от нее как замечания, так и похвалу, и на ее фоне даже я, прозванный худшим из учителей за всю историю Ателлы, казался приятным собеседником.

— Два года назад мы собирались здесь, когда король Солианских островов сообщил, что нуждается в чародее, помните? Он не мог справиться с виверной и просил помощи.

— И ты вызвался выполнить его просьбу, — задумчиво протянул Тристрам. Спрятавшееся за густыми кудрями лицо выглядело озадаченным. — Я помню, что спросил, зачем тебе это, но ты так и не смог дать внятного ответа.

— Потому что объяснять, что я вернулся в прошлое ради устранения невидимой на тот момент угрозы, не имело смысла.

Я нахмурился. Заклинание для искажения временного пространства было известно всем и практиковалось в том числе учениками шестого года обучения. Но об успешном опыте переноса разума в тело, отделенное от настоящего годами, слышать не приходилось. В Гримуаре ему отводилось целых три страницы, и я, как страстно заинтересованный в теории исследователь, знал его наизусть. Как знал и то, что даже у создателя ритуала бывали проблемы с его проведением.

— Хочешь сказать, мы сумели воспользоваться заклинанием Вуарре? — уточнил я. — Разве реальность не должна была расколоться, создав бесконечное множество миров, в которых каждый твой поступок менял бы predetermined будущее?

— Мой разум при перемещении остался цел, а мир, из которого я пришел, и так был обречен на гибель. Мне безразлично, сколько новых реальностей сформировал каждый из нас, отправляясь исправлять ошибки прошлого. Все они рано или поздно погибали в муках.

Глаза Лорелеи нервно бегали от окружающих ее чародеев к Гримуару и обратно. Она пыталась оставаться вежливой, дожидаясь очереди, чтобы вставить слово, — Кьяра не была ей чуткой и мягкой матерью, а потому воспитывала ее в строгости и собственное мнение не поощряла — но, услышав о неизбежной кончине, вспыхнула.

— И в каждой из них короля сводило с ума лишь случившееся с его женой? — Щеки покраснелись, словно она обронила что-то до жути стыдное и неприличное. — Разве потеря любимой — достаточное основание для разрушения всего живого?

Если бы я не знал, что ее наивная душа тщательно оберегалась властным покровителем в лице председателя Гептагона, то решил бы, что замешательством Лорелея плохо

прикрывала яростную ревность. В своем деле ей не было равных — белокурая чародейка мастерски владела иллюзиями и столь же умело учила им других, — но ощущение, будто я смотрел на ребенка, а не на одну из Верховных, никогда меня не покидало.

— Что бы мы ни делали, боги упорствуют, — с досадой покачал головой Холден. — Каждый из нас пытался расстроить свадьбу, но... раз за разом она искренне желает всю жизнь следовать за королем, а он мстит всему миру за ее гибель. Я множество раз проверял, не наложены ли на короля чары, но их намерения чисты и бескорыстны. Никакие провокации и лживые слухи не помогли. Я пытался. *Мы* пытались.

Я прочистил горло. Вопрос сидел там слишком долго, пока я осознал нужду его задать.

— А почему... Почему остался лишь я?

Чародеи переглянулись, как будто ответ был очевиден. Зария гулко расхохоталась. Низкий тембр ее голоса был одной из причин, по которой она так много лет успешно прятала свою истинную суть. Привыкнув к пренебрежению к женскому полу на родине, она с самого детства примеряла на себя мужские роли: сначала — мальчишки-беспризорника, затем — талантливую чародея. Лишь став одной из Верховных, она перестала носить черную, как смоль, бороду и решила сменить объемные брюки на изящные платья. Однако повадки, старательно отыгрываемые в течение многих лет, покидать ее не спешили.

— Ты серьезно? — вдруг спросила она, удивленно вытаращив на меня бездны глаз.

— Вполне.

— Ты ведь даже не явился на то собрание, — бросила Зария с укором. — Как не посещал и многие другие. Под-

вальные крысы да змеи, над которыми ты проводишь опыты, тебе куда дороже мира на поверхности.

На мгновение задумавшись, я пожал плечами. Мне нечего было противопоставить, а тратить силы на бесполезные споры в нашей ситуации — худшее из решений. С тех пор как получил полную власть над лабораторией в подземелье и освободился от нужды преподавать зельеварение, я выходил на солнечный свет, лишь чтобы отправиться на выполнение заказа. К тому же и это было необязательно: порталы с одинаковым успехом открывались на любом этаже башни. И все же ощущение, что на меня надеялись столь мало, что и не пытались просить о помощи, неприятно сковало остатки прогнившей души.

— Выходит, эта участь все равно меня настигла, — подытожил я хрипло. Струйка крови вытекала из правого уха, щекоча кожу, и я потянулся к нему плечом, не в силах терпеть эту пытку.

— А ты... — Томико нерешительно переминалась с ноги на ногу, сомневаясь, стоит ли произносить задуманное. — Ты уверен, что хочешь этого?

— Разве попробовать спасти людской род как таковой — не мой долг?

— Как и наш, — кивнул Тристрам. — Но твоя прежняя незаинтересованность в происходящем в мире может сыграть злую шутку, мой друг.

Зария поморщилась, услышав, как он ко мне обратился.

— Ты правда считаешь, что это имеет значение, когда этот самый мир трещит по швам?

Тристрам поджал губы. В его глазах не осталось ни единого белого пятнышка — кровавые молнии заполнили их, изредка стекая на загорелые щеки. Я страшился даже представить, какое разочарование он испытал, не справившись с этой миссией; его неустанное стремление к совершенству

и любовь к самобичеванию наверняка не оставили от самоуважения и пылинки. К счастью, тот Тристрам исчез где-то в переплетениях миров, оставив стоящего передо мной чародея сражаться лишь с внешней угрозой, позабыв о том, каким строгим надзирателем он был для самого себя. В его огромном сердце было место для каждого, какую бы ошибку тот ни совершил, но ни за что не нашлось бы и уголка для прощения собственных проступков.

За пределами башни прозвучал оглушительный взрыв. Камни стен содрогнулись, и пыль тут же окутала нас непроглядным вихрем. Я попытался выглянуть в окно, вероятно, надеясь рассмотреть там разъяренного короля, хотя знал, что не увижу лицо — лишь сгусток тьмы, зияющий на месте некогда подающего надежды правителя.

— Ты же знаешь текст заклинания? — позвал Холден после затяжного приступа кашля. — В прошлые разы его всегда зачитывал ты.

Я кивнул, судорожно перебирая в мыслях многочисленные страницы Гримуара. Любая неточность в таких делах влечет необратимые последствия: после совершения ритуала я мог стать слабоумным, лишиться сил или очнуться в теле осла. В любом случае цена за ошибку была слишком высока.

— Все готовы?

Хотя я не видел ни единого лица — каменная пыль забралась под веки, и ошеломительная боль мешала мне их поднять, — шесть слабых откликов коснулись ушей. Я принялся повторять текст, выученный когда-то в юности и с тех пор множество раз перечитанный. Потолок башни угрожал обвалиться в любую секунду, прервав мою спешную речь, а крики боли и страха учеников Ателлы, погибавших на улицах без защиты покровителей, сбивали дыхание. Я чувствовал, как магия выходит через кончики

пальцев, устремляясь к Гримуару и заставляя его наполняться светом. Жизнь стремительно покидала мое тело. Томико и Холден до боли сжали мои руки, не позволяя упасть. Голос становился тише, хотя я и продолжал двигать губами, старательно проговаривая заветный текст.

Книга, лежавшая на подобии алтаря в окружении семи чародеев, ослепительно вспыхнула, и от обилия света, пробравшегося через веки, стало дурно. Боль пронзила меня, словно сквозь глазные яблоки в тело ввели исполинскую иглу, достающую до самых пят. Еще несколько секунд я чувствовал дрожащее прикосновение чужих рук. Затем — обескураживающая пустота.

Когда сознание очнулось ото сна, я долго не решался открыть глаза. Вариантов развития событий было всего два. Если магия короля обрушила крышу раньше, чем сработало заклинание, значит, я проснулся в Эмеррейне — божественном городе, куда попадают лишь лучшие из людей. Однако я сильно сомневался, что боги настолько слепы, чтобы удостоить меня подобной чести. Если же у Семерых все-таки имелись глаза и уши, то оставалось лишь взглянуть на календарь: на дворе должен был быть конец месяца Нетрикс, 864 год от Седьмого Вознесения, и где-то наверху Гептагон собирался для обсуждения просьбы солианского короля.

Я опустил правую ногу на пол, и воздух сотряс пронзительный звон. В голове гудело. Взгляд не прояснялся. Кажется, вчера — точнее, два года и один день назад — я снова совершил набег на ательский погреб. Впрочем, я столько раз восполнял его запасы, что каждая бутылка в третьем поколении там давно была моей. Прелый воздух

подземелья наполнился терпким ароматом пролитого напитка; я жадно вдохнул его, но тут же пожалел из-за подступившей следом тошноты. Неудивительно, что в других мирах я так ни разу и не поднялся, чтобы почтить совет своим присутствием. Избегание отражающих поверхностей не помешало почувствовать, что мое лицо куда больше походило на гнилую сливу, чем на лицо уважаемого чародея, и пах я, верно, так же.

Я медленно поднялся по лестнице, не решившись растрачивать силы на портал. Все вокруг казалось в точности таким, каким стало два года спустя. На мгновение я даже подумал, что попросту испустил дух, вернувшись к жизни после победы над королем, но сомнения в успешности ритуала развеял прошедший мимо Тристрам. Отрастить пышную копну он созреет лишь через полгода.

— От тебя несет, как от заброшенного стойла с кучей дохлых лошадей, — поморщился он, не скрывая улыбки. — Но радует, что ты все же соизволил выбраться из своей норы.

— Изю всех сил борюсь с желанием залезть обратно.

Звонкий хохот и гул голосов послышались откуда-то слева, и я, чувствительный ко всем звукам громче падающих на траву лепестков, резко обернулся. Девушки в мантиях учениц выглядывали из-за угла. Тристрам многозначительно прочистил горло, и юные чародейки тут же спрятались за первой дверью, до которой сумели добраться. Я опустил взгляд. Бордовый халат развязался — если вообще прежде был завязан — и обнажил взору прохожих испещренную шрамами грудь; я без особой надежды коснулся бедра, но, к счастью, наткнулся на бархатистую поверхность замшевых брюк.

— Повезло, что прошлой ночью у тебя не хватило сил раздеться полностью, — беззлобно заметил Верховный.

К моим выходкам он относился благосклоннее прочих. — Пойдем, нас ждут наверху.

Я, словно провинившийся ученик, последовал за преподавателем. Его широкий шаг гулко отбивал ритм, разносящийся по пустым коридорам, и заставлял меня бороться с новыми приступами тошноты. Взглянув на многочисленные ступени — препятствия на пути к вершине башни, — я тяжело вздохнул. Тристрам рассмеялся, скрестив руки на груди. Под его тяжелым праведным взглядом я смирился с уготованной участью и повернулся, чтобы вступить в борьбу с первой ступенью, но вместо этого покачнулся, и мой нос едва не встретился с каменным полом. Ровным. Без ступеней.

Чародей продолжал смеяться, переступая через меня и следуя к своему месту. По лицу директора Ателлы было очевидно, что трюк Тристрама с порталом не пришелся ей по душе, но все же чуть меньше, чем вид, в котором я явился на собрание. Поднявшись, я криво улыбнулся и занял свободное кресло, нарочно оставив халат распахнутым.

— Прошло уже сколько, десять лет? Двадцать? — поинтересовалась Кьяра холодно. — А я все никак не могу привыкнуть, что за личиной сладкоголосого юнца скрываешься именно ты, Эгельдор. Если продолжишь ставить на себе эксперименты, то однажды очнешься младенцем, запутавшимся в мантии.

— Если пожелаете, могу ставить их на вас, — склонил голову я.

В ответ она лишь фыркнула, и я остался доволен этой реакцией. Большую часть времени открыто мы не враждовали — это было бы глупо, учитывая созависимое положение, — но и не испытывали друг к другу теплых чувств. Я не упускал возможности указать Кьяре на то, какой дряхлой ханжой она была, а она без устали напоминала, что кон-

